

**Из истории русской просветительской мысли:
Василий Тредиаковский и Лев Толстой**

«...В.К.Тредиаковский, написав «Слово о мудрости, благоразумии и добродетели», встал у истоков восприятия руссоистской утопии о «государстве добродетели»... Толстой лишен был этой слабости. Его уход из мира показал воочию, как тяжело было ему примириться...»

*Из антологии «Жан-Жак Руссо:
pro et contra» (СПб., 2005)*

Лев Толстой и Василий Тредиаковский... Безусловно, все дело не сводится к тому, что в алфавитном мире словарей оба эти писателя практически «соседствуют». И не в том одном только дело, что Лев Толстой, сдав в свое время успешно экзамен по словесности, имел весьма неплохое представление о своих предшественниках в русской литературе XVIII века. Проблема имеет несколько вариантов более глубокого прочтения и разрешения.

Во-первых, речь может идти о ряде сходств в типологической поэтике. Оба писателя обращались к наследию древнерусской литературы, находя в ней и эпичность языческого фольклора и нравственные идеи первых времен существования Православия. Б.М.Эйхенбаум одним из первых сравнил некогда Льва Толстого, зрелого мастера, со святым праведным летописцем¹, исследователи творчества Василия Тредиаковского уверенно ставят его наследие и феномен личности в древнерусский житийный контекст².

И Толстой и Тредиаковский, каждый по-своему, но в общих чертах символично схоже, обращались к классической древнерусской «символике солнца». В 70-х годах XX века в науке о Толстом стали устойчиво возникать интересные идеи о роли этого образа, выписанного в стилистике древнерусских летописей и

«Слов...», в «Войне и мире»: в части первой третьего тома (глава 30) Пьера сопровождает такая картина: «Везде блестели молнии утреннего света...»³. Тредиаковский еще в 1730 году своего лирического героя в «Стихах похвальных России» переносит в сходный панегирический эмоциональный контекст: «Россия мати! свет мой безмерный...»⁴.

Иное русло типологических схождений обнаруживают исследователи, обращаясь к контексту западной словесности вокруг двух интересующих нас писателей. О.Б.Лебедева в монографии-учебнике «История русской литературы XVIII века» (М., 2000) предложила, к примеру, интересную гипотезу о том, что через поэму Тредиаковского «Тилемахида» входит в русскую литературную культуру европейская модель дидактико-политического романа, далее переосмысленная в эпическом сознании Льва Толстого⁵. «Нельзя не заметить, - заключает исследовательница. – что [...] жанровые модели романа, которые создал Тредиаковский [...] - эпос частной жизни «Езда в остров Любви» [...] и эпос государственности «Тилемахида» [...], весьма ассоциативны тому представлению Льва Толстого [...], которое зафиксировано в его известном высказывании о любимой «мысли семейной» в романе «Анна Каренина» и любимой «мысли народной» в эпопее «Война и мир»⁶. Уточним пока только вперед, что «Тилемахида» все же – отнюдь не только «государственный», но и нравственно-философский эпос.

Стали в последнее время появляться и «игровые» варианты суждений о какой-либо примете литературной культуры времени Льва Толстого, восходящей по типологии к В.К.Тредиаковскому. Так, О.Ф.Кучеренко размышляет о том, что к поэтике, заложенной Тредиаковским, восходит языковая игра в эпистолярном диалоге Л.Н.Толстого и А.А.Фета⁷. Вл.Абаринов – еще неожиданнее: по его представлениям, сценарий литературной дуэли И.С.Тургенева с Л.Н.Толстым напоминает печально известные «битвы» М.В.Ломоносова с В.К.Тредиаковским⁸.

Однако, этими типологическими, но «разорванными» по времени созвучиями ограничиваться в рассмотрении проблемы «Лев Толстой и Василий Тредиаковский», к счастью, не представляется возможным.

Начнем с того, что сохранилось достаточно много убедительных свидетельств живого и глубокого интереса Льва Толстого к творчеству А.Н.Радищева, ближайшего последователя – наследника идей и стиля В.К.Тредиаковского в XVIII веке (напомним, что Радищев единственным (!) высоко оценил «Тилемахиду» в специальном полемическом трактате «Памятник дактилохореическому витязю...»). Г.В.Краснов в статье «Лев Толстой и Радищев» особое внимание обратил на сходства комментариев молодого писателя XIX века к «Наказу...» Екатерины Второй – с критикой, много ранее развернутой Радищевым, по тому же самому поводу. Выделил ученый и два опорных для писателей-философов, Толстого и Радищева, понятия – «гражданское право» и «естественный закон»⁹. Тем примечательней и тем более необходимо сразу вспомнить, что обе эти идеи связаны не только с европейским учением Монтескье, но и с суждениями и творчеством В.К.Тредиаковского 1730-1760-х годов.

Тут мы выходим на последний и, пожалуй, наиболее решающий момент. В разные эпохи, но с принципиально созвучными идеями, Лев Толстой и Василий Тредиаковский обращались к философско-этическому учению «женевского гражданина» Ж.-Ж.Руссо. Особенно органичны оказались для русской литературной культуры идеи «женевца» о самопознании и «опрощении».

Одним из первых в России к толкованию идеологии Руссо обратился как раз Тредиаковский – в «Слове о мудрости, благоразумии и добродетели» (1752).

Опаснейшим злом Тредиаковский провозглашает «суемысленность», или, точнее – «тщеславность», а решение видит – в опрощении: «... добродетельнее [...] Общества пребывали без Учений, нежели наученные жительствоуют...»¹⁰ (речь, естественно, идет не о воинствующем невежестве в духе грядущего Фамусова: «...собрать все книги бы да сжечь!»), а о требовании кардинальной реформы воспитания / образования, что будет так волновать Льва Толстого и на закате жизни!). «Правоверие», «Добронравие» и «Добродетель» - вот три идеала, которым Тредиаковский призывает следовать¹¹.

Лев Толстой неоднократно обращался к руссоистским идеям («Содействовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?») и другие труды женеваца), в том числе в позднем философском эссе – «Что такое религия и в чем ее сущность» (1902). Д.Н.Цертелев в исследовании «Нравственная философия графа Л.Н.Толстого» (1889) в связи с этим свой анализ предваряет тезисным планом, оговаривая специальным разделом в руссоизме Толстого примечательную идею: «цивилизация как источник неравенства»¹². А.Дивильковский («Толстой и Руссо», 1912) возвращает нас к близкой Толстому идее руссоизма, уже прозвучавшей у Третьяковского – о борьбе с «ложным образованием» и приводит такое суждение Льва Николаевича: «Образование – это те формы знания, которые должны отличать человека от других»¹³.

Проблема поиска идейных и типологических схождений Л.Н.Толстого с поэтикой мировоззрения и творчества В.К.Третьяковского – огромна и, вне сомнений, требует отдельной монографической разработки. Мы коснулись предыстории вопроса – обзорно. Перейдем к главной цели на настоящий момент – к рассмотрению идеи о нравственном самосовершенствовании в итоговом труде В.К.Третьяковского «Телемахида».

Ритмические новации писателя в этом произведении, текстологические и гражданственно-политические аспекты «Телемахида» в науке уже достаточно неплохо освещены.¹⁴

Нас, уточним еще раз, будут интересовать аспекты нравственной философии этого до сих пор непонятого, а в совсем недавнем прошлом и осмеиваемого творения В.К.Третьяковского.

В процессе своего создания «Телемахида» претерпела довольно много изменений. Первоначально – вольное переложение романа Фенелона «Похождения Телемака», произведение «пересоздалось» стихами, и, что еще примечательней!, новым «русским гекзаметром», имитировавшим стиховой строй поэмы Гомера. Потому и названо произведение в античном эпическом духе – «Телемахида», по аналогии с «Илиадой», «Энеидой» и др. Сам Третьяковский определил жанр сво-

его творения как «ироическая пиима», хотя главным становится здесь даже и не новая интерпретация известного античного мифа о сыне Одиссея принце Тилемахе (Тилемахе), а оригинальное нравственное учение. «Дактило-хореическим витязем» с уважением нарек этот поэтический подвиг Третьяковского Радищев (первым и попытавшийся возродить поэму из «пропасти забвения»), на новаторский опыт Третьяковского в дальнейшем опирались и русские «перелагатели» поэм Гомеровского эпоса - Николай Гнедич («Илиада») и Василий Жуковский («Одиссея»).

Третьяковский, соединяя античные представления с оригинальными древнерусскими, в поэме проводит своего героя, юного принца, внутри единого пути странствий в поисках отца, Одиссея, через несколько смыслов категории Пути. В уста Тилемаха русский писатель вкладывает такое аллегорическое признание: «Я ищу моего Отца по разным пучинам...»¹⁵. Что же это за пути – «пучины»?

- а) путешествие как узнавание людей – знакомство с их нравами;
- б) путь изучения разных вариантов политического устройства человеческого общества (от тирании – до всенародного избрания царя);
- в) путь воинских доблести и славы;
- г) путь «изострения души ума» - так Тилемах попадает в подземное царство – по другую сторону Бытия;
- д) путь борьбы с собой – путь к добродетелям в противостоянии порокам;
- е) путь Любви.

На последней из дорог принцу и суждено понять, как искать Добро в людях; как только ему удастся открыть это новое знание – боги возвращают ему отца.

Античная мифология причудливо сочетается в поэме с христианской этикой. В книге восьмой Третьяковский вспоминает прекрасный миф об Орфее и пишет о «сладости теплых слез», исторгаемых у людей его истинным искусством, а во второй книге Тилемаху, оказавшемуся в позорной роли раба-пастуха в пустынях Египта, преподан богами урок христианских мудрости и смирения: «Не унывай, воспоследует негли счастье бедным!»¹⁶. Сразу же вслед за этим, в книге

третьей, предложена оригинальная философия «возрождения человека»: от «умирения страстей» - к мудрости, покоряющей последовательно «разум», «смысл», «ум» - и, наконец, к «благомудрию» как вершине всего (так наставляет принца мудрый Наарвал). Залогом правильности избранного пути (в разных его толкованиях) выступает сквозной сюжетный образ Ментора, мудрого наставника итакийского принца (в этом обличье его сопровождает сама благосклонная Афина Паллада!).

Люди, обуреваемые в разных странах мира пороками, также образуют особый «цикл» в повествовании. Все они, так или иначе, - пленники:

а) страсти (поэма открывается с эпизода пленения Тилемаха нимфой Каллипсо, затем юному герою уготовано еще пройти испытания: ложной страстью – к нимфе Ефхарите и истинной любовью – к прекрасной Антиопе);

б) тяжелых войн (история египетского властелина Сесострия – один из трагичных ярких примеров) и раздоров (в царстве Пигмалиона был по навету изгнан законный наследник престола – его сын; в истории о правителе Идомее и мантирианцах (книги 10-12) Третьяковский стремится предостеречь сограждан от опасностей гражданской братоубийственной распри);

в) власти и совести (таков тиран Пигмалион, позорно погибающий от рук собственной наложницы Астарвеи¹⁷).

Жизнь человека среди всех подобных треволнений - море: «...как стекло и гладкое в тишине, / А иногда ярясь при камнях бурное было...»¹⁸. Но – это также урок Судьбы, ибо: «Слава сердцу должна, терпеть навывшему трудность»¹⁹.

Утопический идеал выстраивается Третьяковским по следующим основаниям-законам:

а) признание гармонии повторяемости / цикла в мире, всегда возвращающегося к своему создателю: «Разумы наши суть подобны малым потокам, / Кой текут из Него и в Него втекают сникая...»²⁰;

б) культ Природы – матери человечества, подарившей своим детям мудрейшее равенство: «Земля как добрая мать свои умножает / Дары все по числу детей...»²¹;

в) преобразование духовного мира человека через Мудрость и Покой – таков друг Ментора добродетельный правитель Азаил, отказавшийся вернуться к Власти: «...возвратиться мне к жизни покойной и уединенной, / В коей бы Мудрость питала сердце мое...»²² (те же идеалы, только – развивая и дополняя их, исповедует в книге шестой и всенародно избранный царь Аристоклим);

г) прославление уникальной «нравственной Республики» – в восьмой книге нарисован сказочный образ острова Ветика, жители которого верны только трем мудрым законам:

- собственная Совесть («Нужды им нет в судиях, для того, что собственна Совесть их судит...»²³);

- «искусство старших» в союзе с «благоумием младших» (гармония поколений),

- семья как основа мира («Муж и жена как один человек есть в теле сугубом. / Муж и жена разделяют купно радение к Дому...»²⁴).

В итоге же самосовершенствование, глазами Третьяковского, - равно: и необходимый и тягчайший путь, подобный духовному подвижничеству. Потому и рождаются строки признания: ««На острых камнях возлегал, / Но оных твердость презирает, / По крепости могучих сил / Считаю их за мягкой ил...». Льву Толстому были уготованы свои муки и свои «камни» на этом Пути...

¹Эйхенбаум Б.М. Черты летописного стиля в литературе XIX века / Б.М.Эйхенбаум // ТОДРЛ. – Т.14. – М.; Л., 1958. – С.545-550.

²Растягаев А.В. Агиографическая традиция в русской литературе XVIII века: Проблема генезиса и жанровой трансформации: Дисс. ... д.ф.н. / А.В.Растягаев. – Самара, 2008. – 450 с.

³Лихачев Д.С. Лев Толстой и традиции древней русской литературы / Д.С.Лихачев // <http://ksana-k.narod.ru/Book/3tom/3/literatura/10.htm>. - Проверено: 6.10.2009.

⁴Попков В.И. Третьяковский и древнерусская литературная традиция / В.И.Попков // Венки Третьяковскому. – Волгоград, 1976. – С.58-61.

⁵Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века / О.Б.Лебедева. – М., 2000. - С.109-113.

⁶Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века / О.Б.Лебедева. – М., 2000. - С.113.

⁷http://www.rusnauka.com/PRINT_2006/Philologia/1763.rtf.htm. – Проверено: 6.10.2009.

⁸Абаринов Вл. «Облитый горечью и злостью...» / Вл.Абаринов // <http://www.scannews.ru/docu/grani.ru>. – Проверено: 6.10.2009.

⁹Краснов Г.В. Лев Толстой и Радищев / Г.В.Краснов // XVIII век. – Сб.12. – Л., 1977. – С.137-148.

¹⁰Жан-Жак Руссо: Pro et contra... - СПб., 2005. – С.71-72.

¹¹Жан-Жак Руссо... – С.74.

¹²Жан-Жак Руссо... - С.637-643.

¹³Жан-Жак Руссо... - С.651.

Кстати, вопрос об эволюции русского «христианизирующего» сознания от В.К.Тредиаковского далее в русскую литературу на примере параллели «В.К.Тредиаковский – Ф.М.Достоевский» уже разрабатывается. Интересна намеченная перспектива в недавнем исследовании В.З.Гассиевой «Тредиаковский и Достоевский: пролог и кульминация» - см.: В.К.Тредиаковский и русская литература XVIII-XX веков. – Астрахань, 2003. – С.140-143.

¹⁴Орлов А.С. «Тилемахида» В.К.Тредиаковского / А.С.Орлов // XVIII век. – Сб.1. – М.; Л., 1935. – С.5-60; Соколов А.Н. «Состав ироической пимы» в «Тилемахиде» Тредиаковского / А.Н.Соколов // Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. – М., 1955. – С.128-144; Введенский И. В.К.Тредиаковский и его «Тилемахида» / И.Введенский // Русские писатели о переводе. XVIII-XX века. – Л., 1960. – С.252-256; Теория стиха. – Л., 1968. – С.294-316; Алексеев А.А. Эпический стиль «Тилемахиды» / А.А.Алексеев // Язык русских писателей XVIII века. – Л., 1981. – С.68-95.

Кстати, в XX веке в общее кропотливое текстологическое изучение творчества Тредиаковского внесла свою лепту и казанская исследовательская школа – см.: Ермолаева Н.В. Прижизненные издания произведений В.К.Тредиаковского и А.П.Сумарокова, хранящиеся в научной библиотеке им.Н.И.Лобачевского / Н.В.Ермолаева // Библиотека Казанского университета: Фонды, раритеты, история. – Казань, 1989. – С.24-34.

¹⁵Тредиаковский В.К. Лирика, «Тилемахида» и другие сочинения / В.К.Тредиаковский / Предисл. Г.Г.Исаева, Г.Г.Глинина, комм. Т.Ю.Громовой. – Астрахань, 2007. – С.207.

¹⁶Тредиаковский В.К. – С.221.

¹⁷Этому эпизоду поэмы Тредиаковский и оказался «обязан» большинством своих злоключений в царствование Екатерины Второй. Как и императрица России, Астарвея незаконно захватывает власть, убив мужа. «Лютое сердце» и «ум» - вот что помогло ей в этом преступном предприятии. Не ограничиваясь намеками с прозрачным сходством, Тредиаковский и дерзко «продолжает» историю самозванки до логического, как ему видится, конца, когда народ во гневе ее свергнет: «Начали ту уже по грязи влачить за космыни... / Стражею тотчас она в темницу ввергнута мрачну...» - см.: Тредиаковский В.К. – С.336.

¹⁸Тредиаковский В.К. – С.198.

¹⁹Тредиаковский В.К. - С.200.

²⁰Тредиаковский В.К. – С.273.

²¹Тредиаковский В.К. – С.277.

²²Тредиаковский В.К. - С.298.

²³Тредиаковский В.К. – С.345.

²⁴Тредиаковский В.К. – С.348.